

# ИСКУССТВО

№ 104, 97 4/5  
Крестовскій замонъ.

Много скуки приходится переносить театральнымъ критикамъ, и скука для нихъ дѣло привычное. Но когда къ скукѣ—поистинѣ адской—примѣшивается еще и негодование, тогда самый добродушный критикъ долженъ „выскочить изъ терпѣнія“ и обругаться въ сласть, чтобъ хоть душу отвести... А можетъ быть откровенное слово и пользу принесетъ: предохранить двухъ трехъ „изъ малыхъ сихъ“ отъ безцѣльной траты денегъ и времени—сирѣчь отъ посѣщенія „Крестовскаго сада и театра“.

„Суровый долгъ“—по просту обязанность службы затащили меня въ этотъ „шато-кабакъ“, издревле прославленный своими „цѣвницами“!—Вхожу—плачу 12 рублей за ложу—вижу повинку: конюшню для велосипедовъ—и затѣмъ все то-же, что видѣла 15 лѣтъ назадъ: садъ безъ деревьевъ, уныло освѣщенный рѣдкими фонарями, грубыхъ официантовъ въ грязныхъ фракахъ отвратительно прислуживающихъ у столовъ, покрытыхъ грязными салфетками, два-три десятка наштукатуренныхъ дѣвицъ и цѣлую ораву мужичиъ разнообразнѣйшихъ „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. И невольно припомнился мнѣ слѣдующій стихъ Пушкина изъ той-же поэмы: „здѣсь цѣль одна!“ — Именно одна; развратъ!—Развратъ въ трехъ видахъ: пьянство для большинства публики безъ различія пола, возраста и званія; обирательство для антрепренеровъ разныхъ моментальныхъ фотографій (по 3 рубля за штуку, т. е. ровно за половицу той цѣны, за которую Мрозовская истинная художница, извѣстная всей Европѣ, даетъ цѣлую дюжину артистическихъ портретовъ), „негритянскихъ деревень“ (населенныхъ разнымъ сбродомъ, краска которыхъ на половинѣ по крайней мѣрѣ куплена у Штоля и Шмидта—меня видѣвшую все побережье Африки отъ Тангера до Гран-Поло, отъ Александріи до Делогоа-бей—„Ашавтіи“ Крестовскаго сада убѣдить въ своей натуральности не смогутъ) и т. п. „увеселительныхъ заведеній“—и наконецъ, главнымъ образомъ, то, что осмѣливаются называть словомъ „любовь“, и что въ сущности прямое отрицаніе святого чувства, отличающаго человѣка отъ животнаго.

„Любовь!“ — Боже мой, сколько мерзостей творится во имя твое, сколько низкаго, пошлаго и отвратительнаго прикрываются твоей блестящей одеждой. Въ Крестовскомъ саду „жрица любви“ хоть отбавляй, на сценѣ Крестовскаго театра слово „любовь“ произносится на всѣхъ языкахъ разъ по пяти въ минуту, а въ сущности, что это за любовь воспѣваемая тамъ?

Вотъ появляется на сценѣ французская дѣвица въ короткомъ черномъ платицѣ и въ прическѣ гораздо болѣе походящей на головные уборы настоящихъ „Ашавтіевъ“, чѣмъ тѣ, которыми щеголяютъ рядомъ обитательницы „негритянской деревни“ изъ сосноваго теса. Это „знаменитая“ m-me Дюкре Жиральдюкъ. Съ ней вмѣстѣ выходитъ ея monsieur. Они поютъ дуэты, слѣдующаго содержанія:

Она: „Я буду твоей курочкой“

Онъ: „Я буду твоимъ пѣтушкомъ“.

Оба вмѣстѣ: „Какъ я люблю твой разговоръ!“

Куплетъ 2.

Она: „Я буду твоей уткой“,

Онъ: „А я твоимъ селезнемъ“.

Оба вмѣстѣ: „Какъ я люблю...“ и т. д.

Такимъ образомъ перечисляется весь птичникъ. Въ припѣвѣ „артисты“ (?) подражаютъ крику названныхъ птицъ. Но суть не въ кудачаваньи и не въ гоготаньи, а въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыми они сопровождаютъ пѣніе этихъ куплетовъ... Публика хохочетъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но находить, что голоса „цѣвцовъ“ удивительно похожи на гусиное пѣніе...

Влетаетъ слѣдующая „звѣзда“, нѣмецкая дѣвица въ желтомъ платьѣ. Пропѣвая что-то о „любви“ и „удовольствіи“,

она подымаетъ юбочки и показывать передній фасадъ панталончиковъ. Публика начинаетъ аплодировать уже зараженная бактеріями разврата, насыщающими воздухъ шато-кабака. На сценѣ-же появляются цѣлыхъ шесть дѣвицъ и притомъ англійскихъ. Прокричавъ что-то ужасное (ихъ голоса, напоминающіе іерихонскіе трубы, заглушаютъ не только слова, но даже аккомпаниментъ оркестра до барабановъ включительно), сіи особы начинаютъ танецъ, живо напомнившій мнѣ счастливые дѣтскіе годы, когда мы, вчитавшісь Куцера и Эмора, изображали „пляску дикихъ вокругъ жертвеннаго дерева“. Англійскіе дѣвицы также ужасно брыкались, махали руками и корчили рожи, показывая при этомъ свои панталончики со всѣхъ фасадовъ попеременно. Очевидно вся суть именно въ этой части дамскаго туалета—у г-жи Джиральдонъ она сдѣлана изъ атласа couleur fen, у БERTY БРЕЗИНО изъ голубого тарлатана, у miss КЛІАНСЪ изъ бѣлаго батиста съ серебряными блестками. Не проще-ли было-бы зайти въ любой магазинъ бѣлья и насмотрѣться на все это даромъ и на свободѣ?

Неужели-же за мои 12 рублей мнѣ не покажутъ ничево интереснаго? Помилуйте, еще-бы не показать. Вотъ „знаменитая“ Дора Парнасъ, поющая не то по-итальянски, не то по-славянски. Слово я разобратъ не могла, но по весьма выразительной мимикѣ легко поняла въ чемъ дѣло. Хорошенькая брюнетка обращалась прямо въ публику, приглашая „signor, signor...“ ужинать. При этомъ она такъ умильно прикладывала голенькія ручки къ пышной груди, увѣряя, что „мужа (или матери) дома не будетъ“, что отказаться ни одинъ „signor“ не могъ-бы безъ явной невѣжливости. А главная „звѣзда“ m-lle МЮСЕ!.. Тутъ ужъ я не нахожу словъ отъ восторга. Представьте себѣ дѣвицу, у которой вышито по солнцу спереди и сзади. А какія пѣсни поетъ эта жаръ-птица! Напримѣръ, перечисленіе того, „что необходимо модной кокеткѣ“. Перечисленіе чисто дѣловое, описъ судебнаго пристава—не больше. Но тутъ называются полными именами вещи, свойства и качества, которые сообщаются докторомъ да и то „обиняками“. Очевидно, цензоръ, пропустившій подобные куплеты, по французски знаетъ плохо или не въ мѣру либераленъ! Вотъ-бы бѣднымъ театрамъ такого добряка. А то вѣдь памъ, драматургамъ, цѣлая нѣмая запрещаетъ, заботясь объ общественной нравственности, пьесы, въ которыхъ все-таки есть идея хоть какая-нибудь, наконецъ, хоть просто смыслъ. Здѣсь-же, во всѣхъ этихъ „модныхъ“ шансонеткахъ ничего нѣтъ, кромѣ грубаго неприличія безъ остроумія, безъ граціи, даже безъ „забавности, искушающей иногда цинизмъ выраженія“.

О мужчинахъ, артистахъ „сихъ мѣсть“, я ужъ и не говорю. На нихъ и смотрѣть стыдно. Желцину все-таки извиняетъ граціозность или кажущееся непониманіе, наконецъ, просто и глупость, неразвитіе, по мужичику, въ видѣ фигляра распѣвающій грязныя пошлости—это ужасно! Становится больно за существо, именующее себя „царемъ твореній“. Да ученый пудель выказываетъ не въ примѣръ больше достоинства, ума и граціи, чѣмъ г. Дюкъ и ему подобные...

Почему все это такъ испошлолось. Вспоминается прежнее время, 20—15 лѣтъ назадъ цинизма было не меньше, но было и остроуміе, и красота. На „Шнейдершу“ или „Филиппошку“ можно было смотрѣть съ удовольствіемъ, безъ горькаго чувства, охватывающаго посѣтителя пынѣйшихъ „шпатаповъ“. Вчера-же изъ Крестовскаго я вышла буквально съ тошнотой, какъ изъ грязной болотной воды. Одно минутное утѣшеніе выпало публикѣ на долю — появленіе синьоры Тортюадо, испанской пѣвицы и танцовщицы. Ея одной аплодировала публика отъ души, не стыдясь своего удовольствія. Стройнаа красавица съ картинно-прекрасными движеніями m-lle Тортюадо очаровательна. Она поетъ и танцуетъ такъ, какъ всѣя соотечественницы—отъ всей души, сама отдаваясь упоенію танца. И вотъ почему она увлекаетъ зрителя. Живой темпераментъ, искренность настроенія, всегда сила, дѣланныя-же ужимки и подмигиванья коллегъ прелестной испанки противны и жалки. Она—роскошная живая роза среди дѣланныхъ и, охъ, какъ плохо дѣланныхъ бумажныхъ цвѣтовъ. Ея блескъ, ароматъ и живость совсѣмъ убиваютъ жалкую поддѣлку ярко размазанныхъ, но мертвыхъ растеній. Присутствіе этой звѣзды не выгодно для остальныхъ „номеровъ“ крестовскаго театра.}

Объ представленіяхъ на открытой сценѣ и говорить не стоитъ. Всѣ эти цыганскіе

хоры поютъ такъ фальшиво, что удивляешься, какъ это у слушателей зубы не заплюнуть—всѣ эти бездарные „русскіе куплетисты“ и несчастные актерики, играющіе „отрывки“ глупыхъ водевилей, заслуживаютъ скорѣе жалости, чѣмъ порицанія. Но чего заслуживаетъ антрепренеръ, берущій крупную плату за ужины и порціи?

Уходя я поймала разговоръ двухъ уважающихъ велосипедистовъ:

„Что такъ рано, Жанъ?“

„Да на Крестовскій можно пріѣзжать только въ пьяномъ видѣ, а я еще вчерашняго не переварилъ!“

О, великій философъ велосипеда—ты правъ! трижды правъ!

Е. ШАВЕЛЬСКАЯ.